

*Алла Ботникова
(Воронеж)*

ПО ЖИВОМУ СЛЕДУ...

*П*охвастаться совсем близким знакомством с Владимиром Ивановичем не могу. Пальцев на одной руке достаточно, чтобы пересчитать наши с ним встречи. Две конференции в Калининграде, одна в Ольштыне (Польша), его, насколько знаю, единственный приезд в Воронеж на защиту своей аспирантки, да еще моя работа в качестве председателя Государственной экзаменационной комиссии в калининградском университете (тогда, кстати, Владимир Иванович большую часть экзаменационного времени про-

вел в госпитале). Все! Была, конечно, переписка, но по e-mail. Много не скажешь. Были его стишки, неплохие рисунки, тоже на компьютере... Мило, забавно, трогательно. Все это вместе немного, совсем немного... Поэтому не ручаюсь, что абсолютно правильно поняла непростую человеческую личность. Однако твердо знаю, что с его кончиной потеряла друга. Тут у меня сомнений нет.

Трудно сказать, как и почему мы почти безошибочно определяем близких себе людей, какая система знаков дает нам уверенность в духовной близости или, напротив, чуждости того или иного человека. Но знаки такие, бесспорно, существуют и работают практически безошибочно. Ощущение душевного родства с Владимиром Ивановичем возникло при первом же знакомстве, как кажется, в 1994 году. (Впрочем, он считал, что мы познакомились раньше, нас когда-то представил друг другу А. С. Дмитриев в Москве). Но мне запомнилась именно эта встреча.

Калининград праздновал юбилей своего университета. Предполагалась довольно представительная конференция. Пригласили — приехала. Конференция организована отлично: кто-то встретил, проводил до гостиницы... Гостиница — бывший теплоход, участников конференции расселили по каютам. Неплохо придумано... Только расположилась, стук в дверь: Владимир Иванович. Представляется. Знакомимся. С ходу предлагает вместо того, чтобы сидеть на официальной части, отправиться на Куршскую косу. Я еще не знаю, что такое эта коса, но форму и содержание официальной части представляю себе хорошо. Выбираю косу. И при этом сразу безотчетно фиксирую: *свой*.

Пребывание на косе оказалось приятным. Кроме нас с Владимиром Ивановичем там были еще два коллеги из Польши, тоже приехавшие на конференцию, и приятель Владимира Ивановича, предоставивший нам свою машину и вдобавок устроивший в прибрежном лесу импровизированный пикник с горячительным напитком и домашними разносолами. Последнее было весьма кстати, потому что день был прохладный, да и прогулка затянулась вплоть до вечернего заседания конференции. К нему мы прибыли благополучно и выслушали все положенные доклады.

Так началось наше знакомство. И хотя, как уже говорилось, встречи были редкими, к тому же почти никогда мы не оказывались один на один друг с другом, возникла какая-то удивительная доверительность в отношениях. Переписывались довольно регулярно, особенно на первых порах. Делились новостями, домашними и университетскими. Открывали друг друга.

Одним из бесспорных качеств Владимира Ивановича была какая-то спокойная, ненавязчивая благорасположенность. Он хорошо относился к людям, и они это чувствовали. Впрямую это не высказывалось. Насколько я себе его представляю, он не был пафосным человеком. Напротив, ему была свойственна легкая ироничность. Не обидная и снисходительная, а как бы спокойно-примирительная. Общаясь с ним, я никогда не испытывала ни малейшего стеснения. С ним не надо было «казаться», «держатъ ухо востро». Его можно было смело о чем-то спросить или даже попросить. С ним легко было быть самой собой. В сущности, это человеческое качество не так уж часто встречается. Словом, Владимир Иванович всегда представлялся мне человеком, с которым было неизменно легко, просто, комфортно и... интересно.

То, что мы с ним «профессиональные единомышленники», определилось не сразу. Сначала симпатию вызвала сама личность. Потом пришла очередь обмена научными интересами. Они оказались не

только близкими, но просто общими. Сближали любовь и интерес к литературе немецкого романтизма. Даже образованные филологи не всегда однозначно оценивают эту литературу. Понимание ее, как мне представляется, нуждается в каком-то особом органе. Те, у кого он отсутствует, ее не ценят, даже если знают. Блок называл романтизм «шестым чувством». Владимир Иванович был им наделен в полной мере. Об этом свидетельствуют его статьи и книги.

Однажды во время одного из моих пребываний в Калининграде Владимир Иванович принес мне рукопись. Попросил написать внутреннюю рецензию для издательства. Это был текст небольшой брошюры о трех немецких романтиках: Ф. Шлегель, Гофман, Гейне. Прочитала и поняла, что *этого* автора буду всегда читать вне зависимости от того, попросит он меня об этом или нет. Потому что стало интересно. Прочитанное сразу обратило на себя внимание нестандартностью и подлинной глубиной мысли. Изложение было спокойным и доказательным. Романтизм был прочитан изнутри и прочитан человеком, художественно одаренным, владеющим словом, безошибочно выбранным и поставленным на нужное место.

Таково было первое впечатление от знакомства с ученым по фамилии Грешных. Потом я узнала, что он может писать не только «ученым стилем». Достаточно прочитать его многочисленные статьи, рецензии, предисловие к сборнику рассказов Э. Т. А. Гофмана, изданному на родине писателя, и др.

На протяжении всей научной карьеры Владимира Ивановича немецкий романтизм оставался главным предметом его раздумий. Все его монографии посвящены именно этому предмету. Интересы ученого лежали на стыке философии с филологией. Жизнь «романтического духа», фазы его развития — вот что занимало его главным образом. Не случайно, потому что, как он полагал, «весь опыт развития литературы XX века показывает, что открытия романтиков в области художественного мышления необыкновенно плодотворны».

Художественному мышлению романтиков посвящен и главный труд исследователя — монография под названием «Мистерия духа», опубликованная в 2001 году. Это было подлинно новаторское сочинение философско-эстетического характера. Оно посвящалось изучению «бытия духа» романтических писателей, то есть художественного мышления особого типа, по определению «фрагментарного». Главная мысль очень интересна и по-своему плодотворна. Следить за ее развитием было увлекательно. Научный «сюжет» разворачивался последовательно, открывая различные фазы романтического сознания: энту-

зиазм, карнавал, смятение. Радовали и натиск мысли, и нестандартность подхода, и точно выверенные доказательства.

Монография легла в основу докторской диссертации автора. Диссертация называлась несколько по-иному: «Художественная проза немецких романтиков. Формы выражения духа». Мне довелось писать «отзыв ведущей организации» на этот труд. А потом я опубликовала и рецензию на книгу. Поэтому повторяться не буду.

Думаю, что Владимир Иванович был интересным лектором. Бывать на его лекциях мне не пришлось, однако это чувствуется по его книгам и другим публикациям. Зато о его издательской деятельности могу судить. Выпуски «Балтийского филологического курьера», журнала, вдохновителем и организатором которого был Владимир Иванович, альманах «Побережье», номер научного журнала «Слово.ру: балтийский акцент», появление которого — знаю по письмам — далось редактору не без трудностей, — свидетельства его неутомимой просветительской деятельности. Если учесть вдобавок, что вся эта работа осуществлялась тяжело больным человеком, в последнее время прикованным к инвалидному креслу, да еще испытывающему нестерпимые боли (об этом он очень сдержанно сообщал в письмах). Удивительная работоспособность! Жизнь как подвиг!

Удивительный человек! Добрый и мудрый. Настоящий ученый.

Трудно пока осознать масштаб понесенной потери. Не забудем, однако, что остались книги и статьи. Остались ученики. Осталась память. След еще живой. Остается и надежда, что, как сказал поэт,

Другие по живому следу
Пройдут твой путь за пядью пядь...